

Яна ГАЛИЦКОЙ 22 года. Пишет стихи и прозу. Учится на экономиста. Участница литературного объединения «Магнит», с 2004 года неоднократно печаталась в газетах «Магнитогорский металл», «Магнитогорский рабочий», «Подробности». В большинстве ее стихов и прозы главный герой – она сама.

**Мы с ним очень похожи,
как две капли воды в одном океане жизни**

АРЛЕКИН

ПО ПЕСЧАНОЙ ДОРОГЕ распахнутых снов стремлюсь убежать из реальности в какой-то другой, придуманный и до боли жестокий мир собственного воображения.

Золотой листопад, внезапное ощущение свободы – уже не окрыляют, но придают немного лоска уставшим вчерашним надеждам.

Мой город давно спит, словно черный котенок, закутавшись в звездное покрывало небесной тишины, звенящей вдалеке. Темнота становится лучшим другом для забытых воспоминаний, потерянных надежд и судеб, для распахнутого, как в детстве, мира. Холодно.

Левый берег моей души превратился в снежный мотив давно забытой песни, которую я еще не играла, но точно помню, что она моя и ничья больше. А что же там, в пустоте, тишине, в объятиях моей комнаты, откровенно приоткрывшей лунный свет чужих надежд и звездную канитель плачущего неба? Нет, ничего особенного здесь нет: пара маленьких стульев, ожидающих капитального ремонта, стол и полка с книгами. Если не брать во внимание мелкие детали, то это, пожалуй, все, хотя... О тряпичной кукле по имени Арлекин я все же не сказала... А ведь с ним связана целая история.

...Когда-то, совсем давно, модно было играть. Неважно где – в жизни, кино или театре, кем – простым актером или знаменитым клоуном. Важно было лишь играть это красиво, это – искусство. Мой любимый Арлекин знает это не понаслышке, эту нужную школу он прошел вместе со мной совсем недавно, еще вчера...

...Кому, как не ему, знать, ведать, ощущать тот счастливый смех, то пристальное внимание, которыми было пронизано все, абсолютно все здание огромного цирка, куда приезжали с разных уголков планеты простые люди и даже те, кто тоже умел играть.

Мы с ним очень похожи, мой Арлекин и я, как две капли воды в одном океане жизни. Только он был большой на сцене, а на самом

деле был всего лишь куклой, которой я руководила.

Мой любимый Арлекин никогда не играл для себя, потому что он этого не умел. Он был всего лишь тряпичной беззащитной куклой, смотрящей на своих зрителей как бы под единственным углом мировоззрения, который был доступен только ему. Он никого не любил, но и ненавидеть не мог, потому что не умел. Однажды, играя свою привычную роль, он невольно всмотрелся в зал... Он увидел тысячи, миллионы и миллиарды лиц, полных надежды, смотрящих на него с бесконечной верой в то, что эта игра никогда не закончится. Он единственный знал, что это не игра, а всего лишь та часть действительной жизни, в которой он творец. Мысли и чувства переставали быть особенными, становились игрой, той игрой, в которую невозможно было не поверить. Арлекин всегда смотрел с особым восторгом в многоликий зал и только улыбался, когда в ответ на его шутки все смеялись. Он никогда не играл, если в зале находил кого-то, кто в ответ ему плакал.

Конечно, это была не простая сцена, не простой цирк, не простое мастерство тряпичного актера, это было одно из естественных желаний этого мира, это была жизнь...

...Однажды, когда в зале погас свет и вокруг наступила тишина, он вдруг сказал, что можно смеяться лишь только тогда, когда вокруг нет грустных лиц, можно шутить тогда, когда тебя просят, можно верить в завтра, если рядом каждый день будет счастливый детский смех. Тогда зал увидел себя частицей моего Арлекина, и каждый хотел уйти, чтобы не слышать больше тех слов, которые просто щемили сердце, но искать дорогу назад к выходу в темноте было глупо. Арлекин верил, что говорит правду, но был бы крайне удивлен, если бы сейчас узнал, что тогда он говорил моим голосом. Голосом, который так не похож на его.

«Я в каждом из вас вижу себя, – внезапно сказал тогда он, и зал зашумел, как будто услышал известие о приближающемся шторме с северо-запада. – Я такой, какие вы, но могу сделать вас такими же, как я...» – продолжил он, но зал уже затих и долго молчал, пытаясь поверить в правдивые слова маленького Арлекина.

Через мгновение на середину сцены, медленно кружась в воздухе, упали ярко-желтые цветы, которые имели лишь одно единственное значение – скорую разлуку. Игра закончилась, и вечер постепенно вошел в закон-

вичное течение, добавляя к вчерашним воспоминаниям капли розовых слез на нежных лепестках усталых человеческих судеб.

Я уже день, как не играю, просто не хочу повторять то, что уже не вернуть. Мой счастливый Арлекин тихо спит в уголке, среди таких же, как он, кукол. Он не может все время играть, потому что один.

За окном тихо светит луна, играя со звездами в привычную игру ушедшего детства. Я все также мирно сплю и вижу какой-то расплывчатый сон о ярком летнем солнце над головой, о душевных дорогах, ведущих, как правило, в никуда. Ночь, конечно, отыграет опять свою роль. И, как и я когда-то, станет горько жалеть, что потеряла еще одни сутки и стала седой. Вслед за утренним туманом, медленно окутавшим мой счастливый город, проснусь и я. Утро новой жизни встретит меня проливным дождем, гулко стучащим по подоконнику моего сердца.

Розы... Мне они не нужны, решу я, ведь больше не умею играть... А мой Арлекин... тоже...

Конечно, я не смогу его спросить, хочет ли он дальше играть, хочет ли он быть игрушкой, хочет ли страдать за других... Он мне никогда не сможет ответить, ведь он – кукла... Мягкая, смешная кукла, которой можно играть.

... «Интересно, – думаю я, – есть ли грань совершенства, есть ли грань безумства, есть ли грань безрассудства... И, словно играя привычную роль, в наполненный до краев стакан с водой я неторопливо брошу всего только один лепесток той самой желтой розы, которую мне бросили зрители. Стакан переполнится, и несколько маленьких прозрачных капель медленно сбегут по моему стакану. И мир заплачет.

Конечно, нет предела совершенству, нет границы души и нет ничего больше того, что сделано сердцем. Огонь возрождает огонь, а может ли он породить воду? Мой Арлекин ответил бы: «Да, если в этой воде есть немного огня». Сердце станет ледяным и у меня, и у Арлекина, хотя знаю, что куклы не могут жалеть. И словно из несыгранного мотива той долгой и ласковой песни, я внезапно пойму, что есть предел всему, что некрасиво, прекрасное же – вечно. Я поверю и в то, что простой стакан в мгновение превращается в наторморт, если в него бросить лепесток розы, а роза на фоне того стакана никогда не станет прекрасной...

Так в чем же суть той бесконечной игры и

всегда ли красота спасает мир? Ответа на эти вопросы нет нигде, кроме как в маленьком сердце той тряпичной куклы, имя которой Жизнь.

Облако-ночь

РАССКАЗ

Начиная свой путь

с середины дождя,

Мокнет время, хранящее тайну,

Мне бы сделать одно:

в долгий путь уходя,

Забросить это небо цветами...

Облако-ночь, едва спустившись с лестницы еще холодного неба, продолжило медленно лететь, словно не верило в то, что полет однажды закончится... Словно легкий дым, оно пыталось тайно раствориться в мыслях и чувствах тех, кто видел сейчас это небесно-феерическое шоу. И казалось, что прозрачно-воздушное облако не имеет ни точки отправления, ни конца полета.

Быть может, единственное, для чего нужны и существуют облака в этом мире, – всего лишь бескрайний полет от солнца к луне, от солнца к звездам, от солнца к солнцу...

Больше похоже все это на немое кино, которое имеет какой-то свой, скрытый, может даже единственный смысл существования, быть, каждый раз заканчиваясь иначе, чем прежде... Ведь даже одно и то же кино каждый из нас видит по-разному, под углом своего неповторимого воображения, «взгляда» на мир...

Это облако не исключение. Каждый раз в один и тот же день, в один и тот же час, в одну и ту же минуту, в одно и то же мгновение, тысячи разных людей, не зная, что они сейчас не одни, созерцают полет легкого облака, стремящегося улечься от неба к солнцу, от неба к звездам... И каждый из этих людей видит в этом, обычном на первый взгляд облаке, свое единственное и неповторимое, наполненное смыслом, красивое желание жить.

Ветер, внезапно усилившийся, принес холодный осенний дождь, вот уже полчаса моросивший за привычным стеклом квадратного окна.

«Это черный квадрат», – подумает человек, глядя на расстоянии в то окно, куда, как и прежде, стучится рассерженный дождь.

«Осень», – решит другой, доста-

вая из забытого шкафа теплое пальто.

«Скоро зима», – невольно обрадуется третий и уйдет готовиться к встрече Нового года. Заранее.

«Облако-ночь», – шепнет мне во сне потемневшее небо. И взглянув поутру в окно, я решу, что по небу точно плывет облако-ночь, закрывая собой все свободное пространство осеннего мира.

Забывая далекий рассвет, станут близкими закаты, и день сменит свои привычно-яркие летние краски на серость зимы и беспечность черного неба.

Если можно было бы измерить скорость вращения Вселенной, звезды, облака, наконец, то каждый из нас отмечал бы разную скорость вращения одного и того же объекта.

Наша Земля, словно усталое облако, стремится внести свою неповторимую для кого-то и видимую для всех красоту в форму мечтательного художника, рисующего бескрайнее

небо. Не для себя – для других... В форме молодых берез, шелестящих листвой в такт осеннему дождю... В форме того, без чего невозможна была бы жизнь каждого, кто любит и ценит живую красоту.

...Воздушное облако, безнадежно стремившееся вдаль, вдруг разрывается, словно в клочья, под звуки бушующей природы, осеннего ветра, пришедшего из ниоткуда и летящего в никуда. Осенний невольный ветер, скованный моросившим дождем, теперь уже весело играет с тем воздушным «очертанием» в виде кусочков белой ваты на черном столе, что осталось от красиво летящего – пусть в никуда – облака.

– Это слезы на сонном небе, – отметит грустно кто-то, следя за осенней погодой уже вторые сутки.

– Это мелкие кусочки пуха, что сотворила из облака природа, – с усмешкой отметит тот, кто понимает, что этот мир изменить сложно, тем более что остается всего лишь смеяться над глупыми стремлениями осенней погоды.

– Это облако, словно белая соль или тающий сахар, – про себя скажет третий и уйдет в свои привычные мечты, которым, в отличие от желаний неба, суждено реализоваться еще не скоро...

– Всего лишь осень, – тихо шепнет мне облако-ночь, на минуту спустившись с холодного неба в мои далекие сны. И немного покружив,

уснет, быть может, навсегда, ложась тенью на немое окно той усталой комнаты, где небо видно так хорошо, что нет необходимости закрывать глаза, чтобы увидеть падающие звезды...

...Осенний мотив пеленою дождя к утру снова окутает небо и целый мир и невольно замрет, ожидая новых мгновений суровой осени и созерцая новые облака, гонимые попутным ветром то ли на север, то ли на северо-запад по курсу от пристани привычных житейских и мирских забот. Впрочем, ему, далекому небу с привычными звездами и летящими облаками, конечно, не известно, что где-то есть и другой мир, где кто-то, как и небо, грустит, осыпая осенние листья, подобно ветру, – листья вчерашних дорог, которые нельзя пройти дважды.

Пусть за окнами май и на душе таит снег или под ногами кружит листва, а на сердце вот уже не первый день поют птицы, важно снова поверить в такую далекую, но ярко горящую в сердце звезду, но ярко видеть яркое солнце в моросившем и холодном дожде. И пусть не всегда природа дарит привычному миру красоту, нужно помнить, красота – это не просто кто-то или что-то, красота – это целый мир, красота – в каждом. Только ее нужно разглядеть единственным и неповторимым взглядом...

ЯНА ГАЛИЦКАЯ.